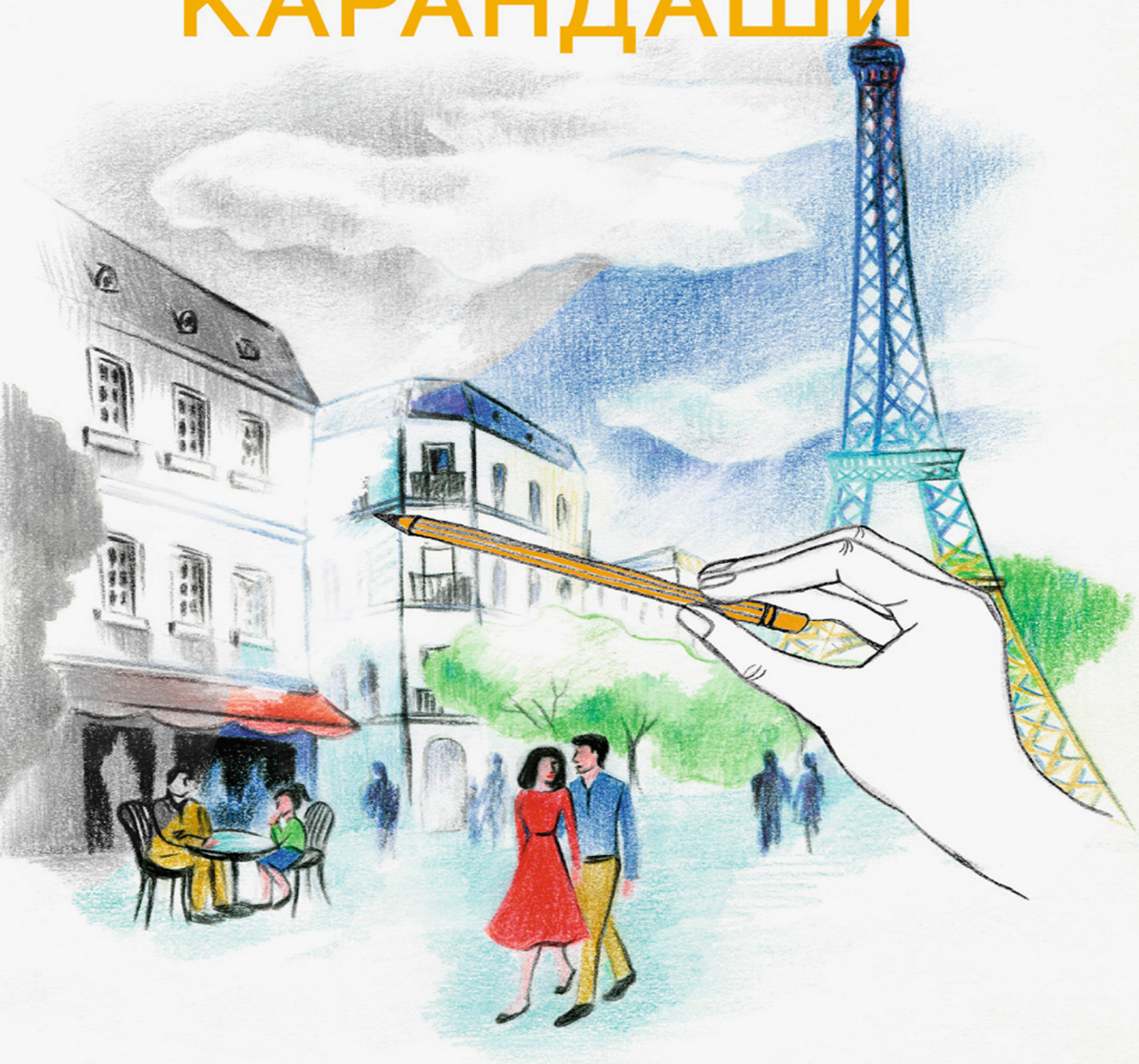

ЖАН-ГАБРИЭЛЬ КОСС

ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ

ЖАН-ГАБРИЭЛЬ КОСС

ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва, 2020

16+

Jean-Gabriel Causse
LES CRAYONS DE COULEUR

Published originally under the title
“LES CRAYONS DE COULEUR”
© Jean-Gabriel Causse, 2017

Издание подготовлено при содействии *Melsene Timsit & Son* и литературного
агента Анастасии Лестер

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с французского Александры Васильковой

Косс Ж.-Г.

Цветные карандаши / Жан-Габриэль Косс ; [пер. с фр. А. Васильковой]. — М.: Синдбад, 2020.

ISBN 978-5-00131-187-4

В один далеко не прекрасный день люди, проснувшись, обнаружили, что все вокруг стало черно-белым. Все краски исчезли. Никто, конечно, не умрет из-за того, что небо светло-серое даже в солнечный день, а листва на деревьях свинцового оттенка. Просто с исчезновением цвета и жизнь почему-то утратила вкус. Чтобы выяснить, откуда взялась эта напасть, и избавить человечество от наступившей депрессии, бывший работник фабрики цветных карандашей Артюр и незрячая журналистка Шарлотта затевают расследование, которое столкнет их с нью-йоркским таксистом, обитателями дома престарелых и даже бандитами из китайских «триад»...

Эта веселая и остроумная книга заставит читателя новыми глазами взглянуть на привычный окружающий мир.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»
Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2020

Тем, кто видит сердцем

ГЛАВА 1

ОДНАЖДЫ НА ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЕ...

Серия волн длиной 580 нанометров возбудила средние колбочки зрительной системы Артюра Асторга — и электрическая активность тотчас достигла зоны V4 коры его головного мозга.

Так на него действовал зеленый цвет. А точнее — светло-зеленые стекла солнечных очков его соседки, которую он упорно и даже не таясь разглядывал через распахнутое настежь окно. Его пленяли не ее маленькие крепкие грудки и не безупречные пропорции тела, угадывающиеся под небрежно запахнутым халатиком, — его завораживали сверкающие стекла больших очков, которые она носила дома, в помещении.

Всего в нескольких метрах от него она барабанила пальцем по клавиатуре *BlackBerry*. Эта молодая женщина частенько расхаживала полуголой по своей квартире в Четырнадцатом округе, с окнами без занавесок, но вот без очков он не видел ее никогда. Артюру не раз снилось, как он осторожно снимает эти очки, чтобы увидеть ее глаза, но на этом сон заканчивался. Он то и дело встречался с ней на улице — обычно она вела за руку дочку, девочку лет пяти или шести, — но заговорить не осмеливался. И куда только девалась его прежняя самоуверенность? Его было не узнать, он будто вылинял.

Едва родившись, Артюр стал подопытным кроликом довольно ловкого ангела-хранителя, который немедленно отправил его налево, то есть устроил так, чтобы он появился на свет на Левом берегу Сены (стало быть, довольно рано осознал ценность культуры), в семье левых интеллектуалов, да к тому же левшой. И потому Артюр всегда бессознательно считал себя не совсем таким, как другие.

Тот же левацкий ангел-хранитель, сделавший Артюра красавчиком, отправил его играть в регби и позаботился, чтобы во время матчей ему тумачами подправили нос. Появившееся

сходство с Бельмондо привлекало к нему девушек — сначала в частных лицеях Сен-Жермен-де-Пре, потом в неплохой бизнес-школе. Ангел-хранитель наделил его и чуть выше средних способностями. Регби, учеба, профессиональная карьера — ангел один за другим ставил плюсики в колонке достижений Артюра. В свои тридцать лет сотрудник отдела международной торговли в недавно созданной фирме, тот шел по жизни победителем. Ни детей, ни прочных отношений — он был настолько эгоцентричен, что даже собаку или золотую рыбку заводить не хотел. Заботился он лишь о своей коллекции янтарных японских виски и о платиновой карте, предназначенной, чтобы копить мили. Эта последняя позволяла ему попирать ногами красную дорожку, ведущую к стойкам регистрации бизнес-класса всех аэропортов мира, и, шагая мимо пассажиров, толпящихся в очереди на пошлом сером ковролине, он с высоты своих метра восьмидесяти всегда поглядывал на них сверху вниз. Он твердо верил, что все прочие смотрят на его плотскую оболочку как на образцовую квартиру, в которой каждый был бы не прочь поселиться.

А потом его ангел-хранитель решил покрасить себе перышки — и выбрал цвет асфальта. Для начала женщина, в которую влюбился Артюр, выбросила его, как старый застиранный носок. Тогда же его родители решили расстаться. Каждый пошел своей дорогой, а Артюр остался на развилке. Отец переживал вторую молодость, увлекшись женщиной, которая годилась ему в дочери. Мать отправилась в индийский ашрам размышлять о человеческом уделе и с тех пор вестей о себе не подавала. Артюр начал пить. И пил все больше и больше. Забросил регби — на поле выходил разве что в третьем тайме. Зеленый свет для него постепенно принял самый темный бутылочный оттенок.

Всего за несколько месяцев он потерял работу, друзей, веру в себя и водительские права — после того как его остановили и нашли у него в крови два грамма алкоголя. Из-за этих двух граммов он набрал лишних килограммов двадцать веса.

Три года спустя, после множества пропущенных собеседований, центр занятости пригрозил вычеркнуть его из списков, если он не явится на старую карандашную фабрику Гастона Ключеля в Монруже, где требовался торговый представитель. Артюр все еще цеплялся за надежду найти место в крупной международной компании или хотя бы перспективном стартапе, но, если он хотел и дальше получать пособие и не дать своему банковскому счету обнулиться, выбора у него, пожалуй, не оставалось.

После войны на фабрике Гастона Ключеля насчитывалось почти триста работников. В день, когда Артюр предстал перед правнуком ее основателя Адрианом Ключелем, который отчаянно надеялся, что провидение ниспошлет ему того, кто спасет предприятие, их стало почти на три сотни меньше.

Когда устраиваешься на работу, к собеседованию надо подготовиться. Артюр, стараясь оставить себе как можно меньше шансов, разodelся как попугай: старая тенниска морковного цвета, красные как мак ботинки, штаны цвета детской неожиданности и лазурные носки. Для большего шика он надел фиолетовые подштанники — и тот же прелестный оттенок придавал своим щекам, залпом выдув бутылку «Кот-де-Прованса».

Ключель встретил его у входа на фабрику и пригласил в свой кабинет. Он с первого же взгляда понял, что с этим соискателем-арлекином, который, пыхтя, взбирался по лестницам, кривые продаж точно не изменят направление.

— Артюр Асторг? Вижу, вы уже три года сидите без дела.

— Я не сижу без дела. Я с утра до вечера занят созерцанием. И в частности — созерцанием цвета!

— Простите?

— Да. Возьми, к примеру, цветные карандаши, — продолжал Артюр, намеренно ему тыкая. — Такие гении, как Матисс, Тулуз-Лотрек или Пикассо, использовали их в некоторых своих творениях. Ты это знал?

Ключель, засомневавшись, не насмехается ли над ним Артюр, как вопрос, так и обращение на «ты» оставил без внимания.

— Работа, о которой идет речь, состоит в том, чтобы увеличивать торговый оборот нашего ассортимента карандашей...

— Какая ответственность! А известно тебе, что французское слово «карандаш» — *crayon* — происходит от старофранцузского

créon, что означает «мел»? — Артюр сделал паузу, а потом, самым лирическим тоном, — внезапный выпад: — Им мел мил! А мы раскрасим мир! Так что творение рождается здесь, у нас.

Клюзель еще чуть пошире приоткрыл рот, потом сглотнул и ответил, используя местоимение множественного числа:

— Спасибо, мы вам позвоним.

На самом деле Клюзелю позвонила сотрудница центра занятости — с сообщением, что этот безработный, который вот-вот утратит право на пособие, не будет стоить предприятию, которое решит его нанять, почти ничего — спасибо программе помощи по трудоустройству.

Вот так Артюр, совершенно того не желая, начал карьеру торгового представителя. Раньше он подписывал международные контракты — а теперь неспособен был даже уговорить писчебумажную лавчонку по соседству купить несколько коробок клюзелевских карандашей. Проснувшись утром, он клялся бросить пить, но каждый вечер его обещание растворялось в этаноле. Он чувствовал, как его затягивает в черную дыру.

Когда три месяца спустя Клюзель вызвал его к себе в кабинет, чтобы уволить, поскольку толку от него не было никакого, Артюр разрыдался. По его щекам текли пьяные слезы. Искренние слезы. Впервые в жизни он сдался. Он знал, что докатился до самого дна. И, против всякого ожидания, ему очень нравилось чувство, что он обрел себя, что он наконец-то честен перед собой. Он расстался со своим эго. Он готов карабкаться вверх.

— Умоляю вас, — высморкавшись в рукав, жалобно сказал он, — дайте мне еще один шанс.

Адриан Клюзель не испытывал к нему ни малейшей жалости, но все же не уволил — оставил в качестве мальчика для битья, и жизнь его была далеко не радужной. Клюзель отправил его

следить за работой поточной линии. Часть зарплаты Артюра напрямую зависела от продаж, и потому теперь он обходился работодателю еще дешевле. Каждое утро Ключель злорадствовал, глядя на этого офисного чистюлю в рабочем комбинезоне. Артюр контролировал изготовление карандашей и большую часть времени проводил, сидя на высоком табурете. Скуку помогал разогнать старенький радиоприемник со сломанным колесиком. Этот товарищ с металлическим голосом с утра до вечера выплевывал ему в уши передачи «Франс Интер».

А вы заметили, что у нас на Западе в одежде остается все меньше красок? Почему наши платяные шкафы завоевала мода на черно-белое? Возможно, началось все это в Англии в 1860 году. Эдуард VII, тогда еще принц Уэльский, обожал курить сигары, но его жене не нравилось, как пахнет его насквозь прокуренная одежда. И тогда он попросил портного сшить ему специальный костюм, в котором он мог бы играть в карты и курить в своем лондонском клубе. Так и появился смокинг, который вскоре стали носить все английские аристократы. Какая смелость для той эпохи — одеваться в те же цвета, что и прислуга! Этот пингвиний наряд быстро пересек Атлантический океан, и к концу XIX века новой моде следовал весь Нью-Йорк. На светских вечеринках и благотворительных балах смокинг стал обязательным для мужчин; в наши дни он необходим каждому, кто удостоится чести подняться по лестнице Каннского фестиваля. Вспомните Джеймса Бонда, самого элегантного мужчину на свете, — нет ни одного фильма, где он не блеснул бы в своем знаменитом смокинге. А теперь посмотрите, во что одеваются наши великие кутюрье, служители моды. Все, от Карла Лагерфельда до Марка Джейкобса и Шанталь Томас, носят черное или черное с белым. Даже Жан-Поль Готье сменил свою тельняшку на черный костюм с черным галстуком.

А что же женщины? После Первой мировой войны многие из них носили траур по погибшим мужьям, но в женской моде бал правили яркие наряды от Поля Пуаре. До тех пор, пока Коко Шанель не создала свое знаменитое маленькое черное платье, появившееся на обложке Vogue в 1926 году. Разумеется, этот цвет вызвал всеобщее негодование, но дамам, жаждавшим раскрепощения, он пришелся по вкусу. Позже прекрасными заступницами маленьких черных платьев стали в том числе Одри Хепберн и Катрин Денёв. А для Карла Лагерфельда это по-прежнему «основа основ стиля».

Прибавьте к этому влияние на гардероб обоих полов многих распространенных явлений моды, таких как черные куртки

мотоциклистов, гоняющих на «Харли-Дэвидсонах», или *Sex Pistols* с их «*No Future*»¹. Дорогие радиослушатели, неужели наше общество видит будущее в черном цвете?

До встречи через неделю.

Сильвия, продюсер передачи, прикоснулась к ее плечу — это означало, что микрофон выключен.

— Черное символизирует «*No Future*»? — переспросила Сильвия. — Ужас какой.

— Я бы очень обрадовалась, если бы эта угроза убедила людей начать одеваться чуть ярче, — сказала Шарлотта, снова включая свой *BlackBerry*.

Сильвии было ровно тридцать. Так она решила лет пятнадцать назад, поручив шприцам с ботоксом отражать атаки времени. В день, когда Шарлотта попросила разрешения прикоснуться к ее лицу, ей стоило огромного труда не скривиться. Черты у нее были правильные, и все же это лицо под толстым слоем тонального крема показалось Шарлотте уродливым. «Ты прекрасна», — соврала она, чтобы не огорчать Сильвию.

Ориентируясь по звуковым сигналам, Шарлотта быстро сумела вывести на экран своего *BlackBerry* фотографии, которые вчера отщелкала наугад. Почти все кадры были неудачными, но на одном снимке Артюр с банкой пива в руке получился отлично.

— Я это снимала из своего окна. Что ты видишь?

— Соседа, который на тебя уставился.

— Какой он из себя?

— Порочный и сексуальный, — объяснила продюсерша, и в ее голубых глазах загорелись огоньки. — Должно быть, другая соседка, которой не нравится, когда на нее глазеют, врезала головой ему по носу. Просто восторг...

— Я же чувствовала, что там кто-то есть! — взорвалась Шарлотта.

— У тебя глаза на затылке, и куда более зоркие, чем у всех нас!

— Не более чем у любого, кто прислушивается к своим предчувствиям, — ответила она, поправляя светло-зеленые очки.

Шарлотта Да-Фонсека принадлежала к числу крупнейших экспертов по цвету, хотя начала заниматься им попросту назло судьбе. Когда она заканчивала университет по специальности «Нейробиология», ее научный руководитель, которого она терпеть не могла, спросил, какую тему она выбрала бы для будущей диссертации.

— Цвет, — ни на миг не задумавшись, ответила она.

— Вы шутите? — удивился тот.

— И не думаю, — мягко и с милой улыбкой возразила Шарлотта. — Вы не хуже меня знаете, что цвет — всего лишь иллюзия. Что он, как говорит Мишель Пастуро, существует, лишь пока мы на него смотрим. На земле не найти двух людей, которые видели бы цвета совершенно одинаково. Лично я не способна поддаться этой иллюзии, а значит, мне повезло, и я, в отличие от вас, могу судить со стороны.

Преподаватель наконец разглядел в слепой красотке, которая ходила с собакой-поводырем, блестящий ум. Он помогал ей и всячески ее поддерживал. Три года спустя Шарлотту приняли в Национальный центр научных исследований, и сразу на высокую должность ведущего научного сотрудника. Еще через несколько месяцев Мехди Ток, главный редактор «Франс Интер», прослышав о необычной специалистке, предложил ей работу. Канал задумал цикл популярных передач о последних научных открытиях в области цвета. Каждый выпуск следовало приправить занятными историческими анекдотами, столь обожаемыми широкой публикой. Шарлотта согласилась с одним условием: радио не будет использовать ее физический недостаток как рекламный ход. Спустя месяц испытательного срока выяснилось, что у ее подкастов больше всего подписчиков.

После рождения дочери Шарлотта взяла в центре длительный отпуск, чтобы заниматься ребенком. Известность в СМИ позволяла ей печататься во многих журналах и очень прилично зарабатывать, хотя от публичных выступлений и приглашений на телевидение она неизменно отказывалась, не желая, чтобы вместо достижений науки в области восприятия цвета зрители обсуждали ее слепоту.

Так что лишь сотрудники Дома радио и ее близкие знали, что голос, объясняющий, к примеру, что с чисто физической точки зрения и вопреки нашим ощущениям синий цвет более теплый, чем красный, принадлежит человеку, никогда не видевшему ни красного, ни синего.

Ровно в восемь утра Адриан Ключель причесался, как всегда, глядясь в витрину, где были собраны все ключелевские цветные карандаши разных периодов. Он тщательно уложил длинную рыжую прядь, которая начиналась над левым ухом и рассыпалась над правым. Ключель безнадежно поискал у себя седые волосы — они хотя бы не так сильно выпадают. При моих заботах, подумал он, хоть сколько-нибудь могло бы появиться. Но нет, не нашел ни одного. Ни единого седого волоса — все яркие, как осенние листья, и облетают так же. На своей расческе он насчитал семь. Деревья за окном превратились в невероятные золотисто-красные камеи.

Он поправил широкий галстук в аквамариновую и белую полоску и вышел из застекленного кабинета, расположенного над рабочим цехом маленькой фабрики.

Четыре поколения детей учились рисовать карандашами «Гастон Ключель». Четыре предыдущих поколения: нынешние дети предпочитают рисовать на айпадах, а другим родители покупают дешевые цветные карандаши, сделанные в Китае.

Я чувствую себя так, словно иду на эшафот, думал он, спускаясь по кобальтовой лестнице. В руках он держал конверты из крафтовой бумаги, по одному для каждого из работников.

— Все на собрание! — громко объявил Ключель.

Войдя в цех и приблизившись к полудюжине людей у станков, он сбавил тон.

— Я собрал вас, чтобы сообщить новость, о неизбежности которой вы и сами давно догадывались.

(А давно все догадывались главным образом о том, что Ключель обожает высокопарные речи, тем самым показывая, кто здесь хозяин.)

— Ввиду угрозы введения внешнего управления с целью не допустить банкротства предприятия, я, как вам известно, сделал все возможное и невозможное, хотя никто меня не поддерживал.

— Дело плохо, — тихонько перевел Артюр.

— А вы, Пикассо, помолчите. И выключите уже это радио! На чем я остановился? Э-э... Да! Вы опасались, что нас выкупит какая-нибудь беспринципная мультинациональная корпорация. Так вот — этого не случится! — объявил он наполовину триумфальным, наполовину убитым тоном. — Вообще-то мы со вчерашнего дня прекратили трудовую деятельность, — добавил он тихо.

Ключель не стал убирать непокорную прядку, скрывшую его глаза, покрасневшие от тоскливого ожидания черных дней. История фабрики Гастона Ключеля на нем заканчивалась, но воспитание обязывало его держаться по-хозяйски. Кроме фабрики он унаследовал прелестную усадьбу в Кабуре и шале в горах — достаточно, чтобы слегка скрасить преждевременную отставку. Он молча раздал коричневые конверты.

— Доделаем все, что можно доделать. И закрываемся, — уронил он, возвращаясь в свою застекленную будку.

Из новостной ленты сайта газеты lemonde.fr

Больше половины машин, продаваемых в настоящее время в мире, белого цвета.

Семь лет назад Шарлотта потеряла своего лабрадора, которого звали Карамель, и очень сильно горевала. Девять французских школ для собак-поводырей не справляются с заказами, потому что и пожертвований на их содержание недостаточно, и семей, готовых взять щенков на время обучения, не хватает. Она знала, что другую собаку придется ждать несколько лет. Но она так любила своего верного друга, что ей было все равно. Навсегда с ним простившись, она решила, что Новый год отпразднует в Нью-Йорке в одиночестве.

Шарлотта не чувствовала себя неполноценной. Конечно, одно из пяти чувств у нее отсутствовало, зато остальные четыре были обострены, и главной своей проблемой она считала жалостливое отношение к ней людей, с которыми встречалась. Когда какой-нибудь человек называл ее «незрячей», она его поправляла, заверяя, что предпочитает слово «слепая». Этот эвфемизм означал для нее, что собеседник испытывает неловкость. Сама же Шарлотта прекрасно справлялась со своими чувствами.

В многотысячной толпе на Таймс-сквер она нарочно сложила и спрятала в сумку, висевшую на плече, свою белую трость. Люди вокруг были добродушно настроены, веселы и беспечны. В полночь со всех сторон полетели новогодние поздравления на всех языках. Молодой человек — лет двадцати, судя по тембру голоса с бронкским выговором, — крикнул ей «*Happy New Year!*»²; она ответила ему тем же, хотела завязать разговор, познакомиться, но он уже пошел дальше, поздравляя каждого встречного. И он был не единственным. Низкие и высокие, молодые и старые голоса повторяли одно и то же: «*Happy New Year*». Шарлотта давно мечтала об этой минуте, и все же от разноголосого шума ей стало не по себе. Похоже было на то, как музыканты перед концертом настраивают инструменты. Это звучало фальшиво. И казалось нелепым. Очередное пожелание раздражало слух. После полуночи прошло десять минут. Чем плотнее становилась толпа, тем более одинокой чувствовала

себя Шарлотта. Худший вид одиночества — когда чувствуешь себя одиноким посреди толпы. Она не желала подражать этим попугаям. Она хотела уйти оттуда. Вернуться в свою гостиницу. Шарлотта расправила трость и решительно двинулась вперед, задевая белым резиновым наконечником ботинки более или менее хмельных гуляк. Выбралась на улицу, где было чуть поспокойнее. Шум затихал, и она немного расслабилась.

Взвизгнули тормоза. Мужской голос с сильным индийским акцентом окликнул ее через опущенное окно машины:

— *Need a cab?*³

Она узнала запах туалетной воды *Eau Sauvage*. Изнутри до нее доносились обрывки бразильской мелодии. Итак: шофер такси, вероятнее всего индеец, живущий в Нью-Йорке, пользующийся французской туалетной водой и слушающий босанову. Вот ради этого она и отправилась путешествовать — ради неожиданных экспериментов.

— *Yes*⁴, — ответила она, с первого раза поймав ручку двери.

Как же было хорошо после уличного холода греться у включенной на полную мощность печки, слушать томную, баюкающую музыку — никогда бы не вылезать из этого такси.

— *Where do you want to go?*⁵ — спросил шофер.

Шарлотта, всем телом откликнувшись на его голос, неожиданно для самой себя сказала:

— *In your arms*⁶.

Они совершили кругосветное путешествие на заднем сиденье такси и несколько раз делали крюк, чтобы заскочить на седьмое небо. Девять месяцев спустя родилась Луиза. Шарлотта даже имени ее отца не знала. На желто-черной карточке, которую она с тех пор хранила в сумке, было написано, что его зовут А. Гуламали. А — это Аба, свет? Или, может, Абра — облако? Или Арвинд — красный лотос?

Она пообещала себе когда-нибудь снова встретиться с биологическим отцом своей дочери. Любопытство? Причуда? Благодарность? Чувство вины — она ведь без разрешения «позаимствовала» у него сперматозоид, оказавшийся особенно

притким? В глубине души она понимала, что Луиза когда-нибудь задаст ей ТОТ САМЫЙ вопрос. Непременно. А Шарлотта пока не знала, что ответить. Сказать ей правду, рискуя нарушить покой незнакомой нью-йоркской семьи, если вдруг дочь захочет с ним познакомиться? Или соврать, уверяя, будто понятия не имеет, кто ее отец?

Сильвия заметила паспорт, торчащий из сумочки Шарлотты.

— С Луизой побудет твой папа?

— Да, он только что приехал, поживет у нас несколько дней.

— Везет же тебе! Я бы тоже не прочь взглянуть на Нью-Йорк.

— Честно говоря, мне немного не по себе.

— Когда ты встречаешься со своим индийским красавцем?

— Завтра. Он приедет за мной в аэропорт.

— Он знает, кто ты?!

— Конечно нет! Я вызвала его как обычная клиентка, заказала такси.

— А номер в гостинице ты заказала или будешь спать в его машине? — ехидно поинтересовалась продюсерша.

— Я тебя ненавижу! — Шарлотта ущипнула ее за руку. — Не знаю, успею ли вернуться к следующей неделе.

— Мне-то что! Ты заготовила десяток репортажей. Ай! Больно же!

Артюр давно догадывался, к чему идет дело, но все же сообщение патрона его потрясло. Он долго смотрел на конверт из крафтовой бумаги, который положил рядом со старым радиоприемником, не решаясь его вскрыть. Включив радио на полную громкость, он направился к котлам для изготовления грифелей, установленным в начале линии. Для каждого цвета — свой котел. В этих столетних огромных медных кастрюлях варились на медленном огне последние запасы смол, воска и добавок. Недоставало только цветных пигментов — их подмешивают в самом конце варки.

Быстро изучив содержимое полок, на которых осталось всего несколько кедровых дощечек, Артюр подсчитал, что изготовить можно примерно тысячу карандашей. А вот цветных пигментов, упакованных в прозрачную целлофановую пленку и тщательно разложенных в соответствии с цветами спектра, было много.

Дороже всего при изготовлении карандашей обходятся пигменты. Из соображений экономии Ключель потребовал уменьшить их количество, что сказалось на качестве карандашей. Теперь при раскрашивании приходилось старательнее нажимать на грифель, но никто пока не жаловался.

Артюр подождал, пока начнет выкипать вода. Когда масса достаточно загустела, он засыпал в первый котел рекомендованное Ключелем количество пигмента — 750 граммов. Потом, спохватившись, отправил туда же весь оставшийся запас желтого пигмента — двенадцать килограммов. В пятнадцать раз больше, чем велел этот скряга Ключель! Артюру хотелось красиво завершить свою работу на фабрике. Пусть хотя бы последние карандаши, сказал он себе, будут отменного качества.

То же самое он проделал с остальными двадцатью тремя цветами.

Артюр опрокинул на поточную линию первый котел. На этой стадии производства масса, еще белесая, подается в резальную машину, а потом, спрессованная, — в шприц-машину, которая сжимает ее до диаметра стержня.

Здесь она превращается в бесконечный грифель, который погружается в синтетический воск, проявляющий цвета, и соскальзывает на конвейер. Как будет выглядеть грифель с таким количеством пигмента? Артюра это слегка беспокоило; он даже удивился, что теперь, когда уже слишком поздно, в нем проснулась профессиональная добросовестность. Грифель потихоньку делался кремовым, затем приобрел оттенок слоновой кости, потом — яичной скорлупы, потом стал светло-желтым, потом просто желтым и, наконец, расцвел ослепительным, первозданным ярко-желтым. Все десять метров грифеля были напоены цветом. Такое же чудо произошло с каждым грифелем. Синий стал еще более насыщенным, чем ультрамарин. Красный, розовый, желтый, оранжевый, фиолетовый — каждый цвет приобрел головокружительную глубину.

Артюр шел вдоль конвейера. Стержни, нарезанные по восемнадцать сантиметров, один за другим укладывались в продольные бороздки, нанесенные на смазанные клеем дощечки из калифорнийского кедра. Сверху эту деревянную дощечку накрывала, будто крышкой саркофага, такая же, и они склеивались между собой.

Чуть дальше еще одна машина строгала заготовки, превращая их в шестигранники, и затачивала грифели. И наконец, печатающее устройство ставило на каждый карандаш клеймо Гастона Ключезя. Готовые карандаши падали в чан. Соланж, стоявшая в конце конвейера, проверяла их и в строго определенном порядке укладывала в коробки. Каждый жест старейшей работницы фабрики был точен и выверен, но двигалась она чуть медленнее обычного. Как в любой другой день, она вдыхала запах дерева, смешанный с химическим запахом пигментов. Тридцать лет назад, когда она впервые пришла на завод, эти испарения показались ей противными, но

с тех пор она к ним привыкла. Настолько, что задумывалась, а сможет ли она без них обходиться. По выходным ей недоставало этих запахов; их отсутствие напоминало о том, как она одинока. Соланж приближалась к своему шестидесятилетию; внешность у нее была неприметная — не красавица, но и не уродина, и роста среднего. Одевалась хорошо, но скромно, высказывалась всегда сдержанно, внимания к себе не привлекала, на глаза никому не лезла. Но сегодня выдался исключительный день, и она то и дело шумно вздыхала и хлюпала носом. Артюр не знал, чем ее утешить, и, ничего не придумав лучше, время от времени протягивал ей очередной бумажный носовой платок.